

Илья Разбаш («Вода России»): Мы больше опираемся на волонтеров, чем на предпринимателей и банкиров

О реализуемых ESG-стратегиях, мероприятиях и продуктах в последние годы увлеченно рассказывают руководители многих банков. Но эффективность мер, невзирая на значительные бюджеты, часто вызывает в коридорах власти сомнения. О том, как выйти из «режима симуляции» и получать от ESG-проектов реальные результаты, финансовые и имиджевые, «Б.О» поговорил с главным идеологом акции «Вода России», директором ФГБУ «Центр развития водохозяйственного комплекса (ВХК)» Минприроды Ильей Разбашем

Текст
ЕКАТЕРИНА КАЦ,
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ «Б.О»

— Илья, тренд на экологию, ресурсосбережение — относительно новый для России, в том числе и для ее бизнес-сообщества. Видны ли подвижки и сохраняются ли они, на ваш взгляд, в условиях, когда акцент сместился на модернизацию и трансформацию?

— В России мы привыкли жить «при высоких отметках» и считаем, что у нас с водой все хорошо. Но развивать ESG-повестку необходимо на всех уровнях. Об этом мы в том числе говорили с трибуны конференции ООН по водным ресурсам в марте 2023 года.

Несмотря на обилие запасов пресной воды, природа, бывает, и нам устраивает квесты. Например, в аномальном 2019 году, когда все радовались «европейской» зиме, пополнение запасов воды в Московском регионе составляло всего 6% нормы. Обмелела Волга, на берегах которой сосредоточено 80% российской

промышленности и проживает треть населения страны.

К счастью, дефицита питьевой воды жители европейской части РФ тогда не ощутили, но пострадал туристический кластер: о навигации на «четырепалубниках» не могло быть и речи. Отрасли начали бороться за удобные для них отметки уровней волжских водохранилищ. Хотя, если бы каждая компания в пределах своих полномочий действовала на принципах устойчивого развития, споров бы не возникло, как и лимитирующих ситуаций.

— **Поощряют ли федеральные власти бизнес вкладываться в экологию?**

— Несколько лет назад была реализована программа, в рамках которой государство стимулировало производителей модернизировать очистные сооружения, частично компенсируя процентную ставку кредита. Вложения федерального бюджета на уровне 5 млрд рублей стимулировали проекты реновации на сумму почти 130 млрд рублей.

— **Почему же столь успешный и, на сторонний взгляд, перспективный эксперимент не продлили и не масштабировали?**

— В основном потому, что бизнес не готов к подобному сотрудничеству. Акционеры частных компаний понимают, что, когда со стороны государства вливаются какие-то деньги, их целевое использование будут проверять, и «уходят в тень».

Второй момент: экологичность продукции на сегодняшний день, к сожалению, не всегда является драйвером повышения ее добавленной стоимости. Необходимо приучать население выбирать на полке в супермаркете тот товар, который продается в переработанной упаковке, хотя он, возможно, чуть дороже.

Экологическое просвещение — одна из важнейших задач, поскольку, чем выше осознанность каждого из нас, тем эффективнее и экологичнее государство может выстраивать процессы.

— **Если взглянуть через призму частно-государственного партнерства, что может повысить привлекательность вложений в синие проекты для прагматиков — предпринимателей и банкиров?**

— Бюджет Федерального агентства водных ресурсов (ФАВР) — чуть более 27 млрд рублей на год, а проекты настолько ресурсоемкие, что возможности для компаний и банков огромны.

Безусловно, есть программы, в которых бизнес участвовать не будет в силу отсутствия прибыли. Так, недавно глава Минприроды Александр Козлов добился от Минфина дополнительного финансирования в размере 15 млрд рублей на решение проблем Дальнего Востока, где доходит до того, что затапливает Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре, Еврейскую автономную область и другие территории. Нужно строить огромные дамбы (около 30 проектов): это вопрос не рекреации, а защиты людей от негативного воздействия природы.

Зато есть серьезный коммерческий потенциал у проектов по укреплению берегов. Представьте: большой город, берег реки, прекрасный вид, хорошая роза ветров, но район затапливает в период весеннего паводка.

Вложились, построили красивую набережную. Получили не только место для прогулок и рекреационную зону: стоимость земли в округе многократно выросла, а значит, девелоперы заинтересованы в реализации проектов, поскольку смогут продать объекты значительно дороже. Так работает частно-государственное партнерство. Это не рекламная «картинка», а реальный пример, реализованный в Волгограде, где к Чемпионату мира по футболу облагородили набережную. На месте обрыва, под которым была свалка, построили дорожные развязки, и это дало толчок инфраструктурному развитию прилегающих районов.

Точно по тому же принципу работают синие облигации. Из-за огромных объемов вложений и климатических изменений бюджетных ресурсов недостаточно. Правительство готово договариваться через финансовые инструменты, обычно долгового характера, о финансировании множества объектов и мероприятий.

Но зачастую можно обойтись и вовсе без госучастия. Виктор Жидков, в прошлом банкир, а сейчас глава НРД, организовал фандрайзинговый проект «Облигации Калининградской области». Люди «скинулись» на реконструкцию местной набережной — купили по 1000 рублей бумаги с фиксированной доходностью 9%.

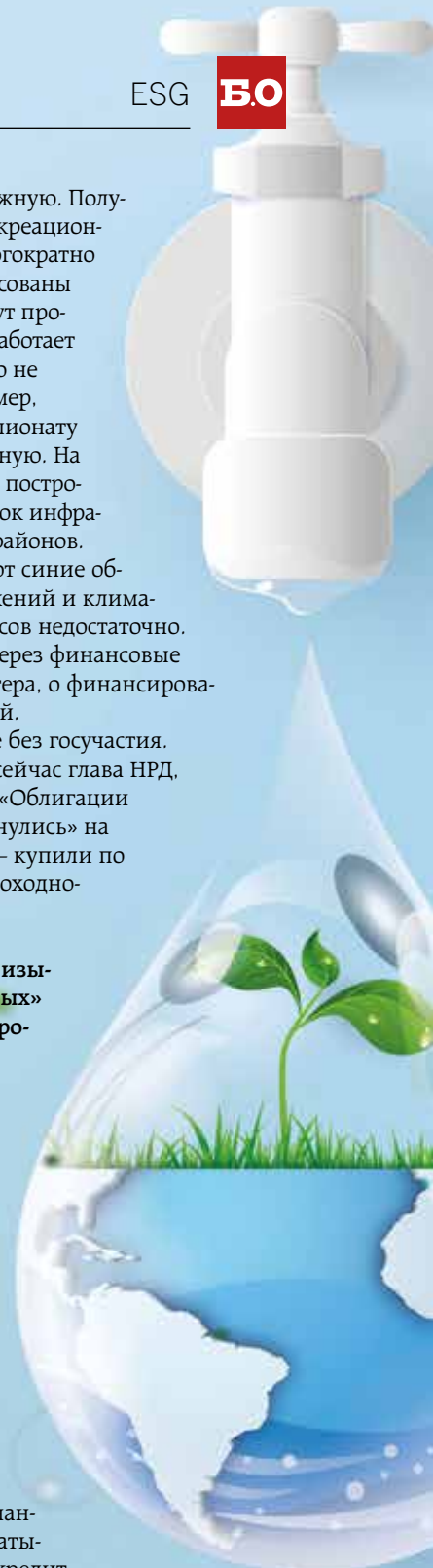
— **Вы призываете предпринимателей изымать деньги из оборотов их «привычных» бизнесов и вкладываться в софинансирование и развитие ESG-проектов?**

— Именно, по аналогии с выбором из двух пакетов молока на полке супермаркета того, у которого экологичная тара. Важен подход, а не то, что вы продаете — еду или квартиры.

С учетом событий в стране и мире банки заняты перекладыванием денег клиентов из одних финансовых инструментов в другие. Существует ниша, при сложившейся конъюнктуре гораздо более прибыльная, чем привычные углеводороды. Вода — это будущее. Вода круче нефти: без нее прожить нельзя.

У банков есть два варианта: давать в долг и на этом зарабатывать либо финансировать проекты и на этом тоже зарабатывать. В ситуации с водным хозяйством кредитным организациям доступны обе стратегии.

При выпуске долговых ценных бумаг банк может выступить как посредник, а наличие обеспечения со стороны федерального бюджета позволяет сделать облигационный выпуск для субъекта, то есть для проекта на конкретной территории. Плюс частно-государственного подхода (например, при расчистке реки, которая прекратит заливать городскую инфраструктуру) — в ускорении процесса. При государственном финансировании с учетом количества задач и объемов выделяемых денег на реализацию такого проекта уйдет, скажем, пять лет, а облигации позволят сделать тот же объем работы за год, при этом бюджет сможет покрыть разницу в «стоимости» денег, распределенных во времени.

Инициировать выпуск зеленых облигаций может любой хозяйствующий субъект: администрация субъекта федерации или муниципалитета, строительная компания. Важно, что государство выступает гарантом, снижая риски, а банк, который участвует в реальных ESG-проектах, формирует свой имидж в регионе присутствия или в масштабах всей Российской Федерации.

Но у бизнес-сообщества есть и другие возможности как на внутренних, так и на морских водных пространствах и прилегающих территориях, принадлежащих России. К отраслям синей экономики относятся портовая и складская деятельность; «прибрежный» туризм, судоходство (как речное, так и морское), а также «сопутствующие» отрасли — судостроение и ремонт. Интересны для инвестиций и бизнесы по добыче и выращиванию аквакультур, рыболовству, переработке даров моря и многие другие. Вода сегодня — недооцененный ресурс, и весь ее потенциал раскроется с ростом ценности воды в ближайшей перспективе.

У банков есть два варианта: давать в долг и на этом зарабатывать либо финансировать проекты и на этом тоже зарабатывать. В ситуации с водным хозяйством кредитным организациям доступны обе стратегии.

— Как вы расцениваете реальные результаты «самостоятельной» ESG-активности со стороны отечественного бизнес-сообщества, в частности банков?

— Успехов не так много. Банковскому рынку, как и бизнес-сообществу в целом, на сегодняшний день проще заявить о своей деятельности в области экологии, порассуждав об углеродном следе. Дальше дело не идет. Например, подсчитали по методике ООН, сколько в рамках безбумажного документооборота спасли деревьев, опубликовали. А вместо тех деревьев, которые все же использовали, что-то посадили? Предположим, даже посадили несколько деревьев... а сколько водоемов страдает от деятельности этой организации?

Допустим, некая компания организовала концерт «Поем в защиту природы». Такие мероприятия стоят значительных денег. А кто-то измерял реальный результат для экологии? Не эффективнее ли вложить средства в реальные проекты по очистке водоемов? Тем более экологию можно прекрасно совме-

стить и с искусством, и со спортом. К примеру, в рамках акции «Вода России» регулярно проходят так называемые плоггинг-забеги, в рамках которых участники соревнуются не только в скорости, но и в объеме собранного по пути мусора.

Если от разговоров о ESG-повестке перейти к цифрам, они окажутся крайне скудными. Ни о какой глобальной ответственности бизнеса сейчас нет и речи. Эффект легко проверить: достаточно оторваться от калькулятора и выйти на берег реки, чтобы вместо девственной природы увидеть там окурки, бутылки и прочий мусор.

Скорее в своей работе мы опираемся на активных граждан — волонтеров, безвозмездно участвующих в акции «Вода России», чем на предпринимателей и банкиров. Вот факты: за прошедший 2022 год почти 1,35 млн человек приняли участие почти в 22 тыс. мероприятий по очистке 10,3 тыс. российских водоемов. Один из результатов — 15 тыс. «КамАЗов» собранного мусора. Задача

ФГБУ — обеспечить добровольцев знаниями, методическими рекомендациями, инвентарем и прочим. На это выделяется небольшое финансирование, из которого большая часть уходит на закупки и информационную поддержку проекта. Возросшая популярность и массовое участие добровольцев диктует нам сейчас дефицит около 30–40%.

— **Наверняка финансовый сектор мог бы внести свою лепту в проект «Вода России»...**

— Да, в этом случае компании сектора помимо импакт-эффекта могут расширить аудиторию лояльных клиентов за счет большой армии волонтеров с активной жизненной позицией. Их можно использовать в маркетинговых целях, пожиная плоды зеленой экономики, можно также увеличить среди них продажи своих продуктов. Более того, расширив влияние на эту аудиторию неравнодушных людей, можно задуматься о создании уникального зеленого продукта вроде специальной карточки, которая повышает транзакционную активность, допустим, при соблюдении некоторых условий, например по экономии воды, что можно отследить при оплате ЖКХ. Увеличить вовлеченность в пользование такой картой можно за счет отчисления с каждого платежа доли процента на нужды самих волонтеров (мерч, мешки для мусора и так далее).

Само участие финансовой организации в проекте с доказанной эффективностью и поддержкой федерального уровня со стороны исполнительного органа власти даст повод посмотреть на нее под другим углом не только волонтерам, но и остальным гражданам. Для этого через доступные PR-инструменты мы освещаем деятельность своих партнеров. За год выходит около 11,5 тыс. публикаций в различных медиа, включая 1 млн экземпляров спецвыпуска в газете «Комсомольская правда» ко дню волонтера. Охват лонгридов — 8 млн человек. Плюс 30 эфиров на федеральном радио и 10 подкастов с аудиторией 1 млн человек.

Лицами нашей кампании «Вода России» стали такие актеры и лидеры мнений, как Юлия Михалкова, Агата Муцениеце, Станислав Ярушин, Виктория Дайнеко и Ольга Бузова, и певцы Михаил Шуфутинский, Николай Расторгуев, Юрий Чернов и Юлия Савичева.

— **Что еще находится в сфере компетенций возглавляемого вами Центра?**

— Как часть структуры Минприроды ФГБУ отвечает за научную и общественную деятельность, в том числе на международном уровне. Перед нами стоят задачи обеспечить всех граждан достаточным количеством качественной воды, а также гарантировать безопасность населенных пунктов, распо-

ложенных рядом с водными объектами, от затоплений и иных проявлений стихии. Мы обеспечиваем реализацию программ федерального значения, участвуем в разработках стратегических инициатив, занимаемся вопросами привлечения инвестиций в природоохранные проекты в ЖКХ и промышленности.

За период с 2012 по 2020 год, когда на ФГБУ исполнял функции дирекции ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса РФ», удалось повысить доступность ресурсов для более чем 1 млн человек; привести в порядок более 8,8 тыс. гектара водоемов; реконструировать или построить два десятка гидроузлов, водоканалов и водохранилищ; укрепить либо создать с нуля защиту более 700 км береговой линии; существенно, почти на 190 млн тонн в год, снизить сбросы, чему способствовал рост мощности очистных сооружений по всей территории страны.

В рамках действующего сейчас нацпроекта «Экология» примерно треть ресурсов направлена, так сказать, в водное русло, поскольку именно качественная вода — фактор, обеспечивающий решение других задач государственного значения, таких как расширение биоразнообразия, увеличение площадей лесных массивов и т.д.

Если от разговоров о ESG-повестке перейти к цифрам, они окажутся крайне скудными. Ни о какой глобальной ответственности бизнеса сейчас нет и речи

— **Насколько я понимаю, с прошлого года жесткого надзора над такими компаниями больше нет.**

— Отменены «сплошные» проверки. Но мы знаем, где основные точечные загрязнители по створу той же Волги.

В федеральном проекте «Оздоровление Волги» участвуют 16 регионов страны, а количество введенных в строй с 2018 года объектов приближается к 100. Около 150–170 млрд рублей были направлены на реновацию очистных сооружений «бедных» компаний, а также муниципальных водоканалов небольших городов, которые живут «на тарифе» и не в состоянии позволить себе технологическое переоснащение.

Есть еще программы сохранения Байкала и уникальных водных объектов, где также реализован ряд существенных проектов.

— **Что еще на повестке у государства по «водным» программам?**

— В стадии реализации — множество важнейших проектов, расходы на которые разнесены по разным статьям бюджета. Вряд ли, скажем, многие слышали про строительство Багаевского гидроузла, а ведь стоит государственного уровня задача — повысить водность реки Дон. Здесь, как и на Волге, независимо от условий водности — осадков и температур — каскад должен обеспечить рост урожаев, рыбой, энергоресурсами и судоходством. Кроме того, Дон является воротами к пяти морям, обеспечивая функционирование единой глубоководной системы Север — Юг.

В стадии проработки — проекты «оздоровления» еще нескольких рек, включая Урал, Каму, Терек, Амур и Иртыш — большая программа, старт которой намечен на 2025 год.

В рамках проектов также проводятся различные комплексные работы: по восстановлению нереста, расчистке и углублению дна каналов-рыбоходов, развитию мелиоративной сети. Государство вкладывается в восстановление потенциала рек к самоочищению, что делает жизнь населения более комфортной.